

0-791915

На правах рукописи

Гринберг Светлана Александровна

**БЕЛОРУССКО-РУССКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БИЛИНГВИЗМ
В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ И
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Специальность 10.02.20 -- сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания
Российского университета дружбы народов

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Бахтикиреева Улданай Максutowна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Хухуни Георгий Теймуразович
Московский государственный областной университет

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000710617

кандидат филологических наук
Вашекина Татьяна Владимировна
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ведущая организация: *Учреждение Российской академии наук
Институт языкознания РАН*

Защита диссертации состоится 25 ноября 2011 года в 15 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.203.12
при Российском университете дружбы народов
по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, ауд. 436.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном
библиотечном центре (Научной библиотеке) РУДН по адресу: 117198,
г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6.

Автореферат диссертации размещён на сайте РУДН – www.rudn.ru

Автореферат разослан 24 октября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Н.Ю. Целубова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа посвящена анализу национальной концептосферы на материале концептуального пространства художественного текста, обусловленного контактом двух близкородственных языковых систем (белорусско-русский художественный билингвизм), с позиций сравнительной лингвокультурологии.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Современный этап развития лингвистики, отмеченный повышенным интересом к содержательной и функциональной сторонам языка, поставил в центр исследования изучение внешних связей языка с культурой и действительностью, которую он отражает, а также с человеком, внутренний мир которого он представляет. Принцип антропоцентризма становится методологической основой современных лингвистических исследований.

В своей деятельности человек имеет дело не с самим миром, а с репрезентациями этого мира, с когнитивными картинками и моделями, поэтому мир предстает для человека сквозь призму его культуры и языка. В настоящее время ни одна культура не живет в изоляции, а потому возрастает роль сравнительной лингвокультурологии, которая способствует процессу межкультурной коммуникации народов, одновременно определяя универсальное и особенное в языках и культурах.

Сравнительная лингвокультурология начинает развиваться, о чем свидетельствуют работы ученых-лингвистов (М.К. Головановская, 1997 и др.). В последние годы появились сопоставительные исследования русскоязычных текстов билингвальных авторов. Стало очевидным, что такой тип текстов представляет собой интерес для анализа с позиций сравнительной лингвокультурологии (М.Б. Амалбекова, 2010; Е.Н. Кремер, 2010 и др.).

Ученые, размышляя о том, как создаётся в исследуемом типе текстов особая национальная картина мира — «та самая иллюзия “нерусского” видения мира в одежде русского слова», замечают, что «типы образных ассоциаций — это механизмы самых интимных, подсознательных психических реакций. Они несут в себе доведённую до рефлекса родовую память этноса: они порождены условиями жизни — природой, бытом, трудом, нравами и теми ценностными представлениями, которые сложились за многие века. Это самые мельчайшие архетипы национального сознания»¹ (выделено нами. — С.Г.).

Русскоязычные тексты этнически не русских авторов образовали в разных культурах особую ветвь национальных литератур — *русскоязычную*. Включенная в общую копилку национальной литературы (главного критерия в

¹ *Лейдерман Н.Л.* Русскоязычная литература – перекресток культур // Взаимодействие национальных художественных культур: литература и лингвистика (проблемы изучения и обучения): материалы XIII научно-практ. конф. словесников. – Екатеринбург, 23-24 октября 2007 г. – Екатеринбург: ГОУ ВПО Урал. Гос. пед. ун-т, НИЦ Словесник, 2007. – С. 38-49.

определении культуры любого этноса), эта ветвь становится особым маркером, по которому можно судить о взаимодействии того или иного этноса с другими в историческом процессе. Незыблемый в течение сорока лет тезис о том, что «не бывает национальной литературы на инациональном языке» (Н.Г. Джусойты, 1957), был серьезно поколеблен выводом о том, что «в условиях глубоких связей между культурами литература может существовать и на инациональном языке», хотя «сроки языкового “инобытия” не бесконечны» (М.М. Ауэзов, 1997). Окончательно и доказательно тезис Н.Г. Джусойты был опровергнут в докторском исследовании И.С. Хугаева (2010).

Из вышеизложенного следует, что тема, выбранная нами для исследования, находится на стыке наук. Её реализация обуславливает дополнительные построения, порождаемые пограничным характером предмета. Становится все более очевидным, что осмысление и описание соотношения языка текста и идентичности его автора на основе русских текстов билингвальных авторов невозможно без привлечения основных достижений современного этапа развития антропоцентрической парадигмы в современном языкознании.

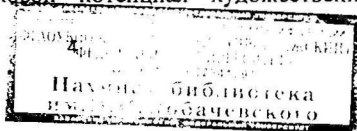
В последние годы появились исследования, посвященные русско-инациональному художественному билингвизму (У. Бахтикреева, Москва, 2005; Р. Туксайтова, Екатеринбург, 2007; Е. Зейферт, Караганда-Москва, 2008; А. Туманова, Алматы, 2008; М. Амалбекова, Астана, 2010; И. Хугаев, Владикавказ, 2010; Е.Н. Кремер, Москва, 2010 и др.), выполненные в русле лингвокультурологического направления.

Основной работой, к которой обращаются исследователи белорусско-русского художественного билингвизма, остается монография А.А. Гируцкого «Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы» (1990). Однако диссертационные работы, исследующие данный вид билингвизма в новых условиях функционирования русского и белорусского языков, отсутствуют. Этим также определяется актуальность темы нашего исследования.

Исходным положением данной работы, определившим порядок подачи материала, стал тезис о том, что белорусско-русский художественный билингвизм нужно исследовать не только на лексическом и грамматическом уровнях, но и через реконструкцию культурных концептов.

Объектом диссертационного исследования является белорусско-русский художественный билингвизм, а **предметом** — особенности ментально-образных и языковых репрезентаций концептов, отраженных в русскоязычном тексте белорусских авторов — важном источнике отображения процессов взаимодействия двух близкородственных языков.

Выбор материала для исследования обусловлен поставленными целью и задачами. Поскольку в центре внимания стоят вопросы не коллективного (массового), а индивидуального, художественного билингвизма, привлекается материал, раскрывающий языковой потенциал художественных текстов.

Исследуемые особенности ярко отражены в русскоязычных текстах белорусских билингвальных авторов (М. Богдановича, В. Быкова, В. Короткевича), которые, будучи этнически не русскими авторами, получили известность благодаря своему творчеству на русском языке. Методом сплошной выборки нами исследовалось более 200 поэтических текстов М. Богдановича, прозаические тексты В. Короткевича («Дикая охота короля Стаха», «Черный замок Ольшанский», «Колосья под серпом твоим» и др.) и В. Быкова («Обелиск», «Дожить до рассвета», «Сотников», «Знак беды» и др.). Всего 5600 страниц. Эпизодически привлекались и другие тексты русских и белорусских авторов. Работа иллюстрируется примерами из мифологии и фольклора.

Основная цель исследования — на основе анализа проблем белорусско-русского билингвизма на современном этапе выявить специфику ментально-образных и языковых репрезентаций важнейших концептов в белорусской и русской художественных картинах мира.

Поставленная цель обусловила **следующие задачи**:

- определить уровень разработанности исследуемой проблемы в лингвокультурологии;
- описать особенности современной лингвокультурной ситуации в белорусском социуме;
- выявить причины обращения автора к заимствованиям из этнического языка при создании русского текста;
- обосновать необходимость лингвоконцептологического аспекта в изучении языковой картины мира (ЯКМ), обусловленной механизмом речемыслительной деятельности творческой билингвальной личности при создании и передаче художественных образов «первичной» культуры на русском языке;
- установить специфику формирования символической функции белорусского языка (как средства самоидентификации белорусов) и влияния на этот процесс писателей-билингвов.

Гипотеза исследования. Всякий художественный текст нацелен на формирование в сознании читателя определенного фрагмента действительности (картины мира).

Белорусско-русское языковое взаимодействие представляет собой особый вид билингвизма, имеющий специфические черты в силу общности судеб белорусского и русского народов, генетического родства и близости двух языковых систем.

Художественный билингвизм в белорусской культуре может трактоваться как объективное следствие лингвокультурной истории и социокультурной ситуации.

Методологическая база диссертации основана на обобщении достижений классического теоретического языкознания в области билингвизма (В.А. Аврорин, Х.З. Багировов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, П.А. Бороздина, Е.М. Верещагин, Л.С. Выготский, Ю.Д. Дешериев, Ю.А. Жлуктенко, Н.В. Имедадзе, Ю.Н. Караулов, Е.Ю. Литвиненко, А.П. Майоров,

М.М. Михайлов, С.В. Семчинский, Э.Д. Сулейменова, А.Е. Супрун, К.Х. Ханазаров, Э. Хауген, Г.А. Цыхун, А.М. Шахнарович, Г. Шухардт, Л.В. Щерба);

антропоцентрической парадигмы в языкознании (В.В. Воробьёв, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, Л.Н. Мурзин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.), в частности, лингвоконцептологии (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов, Т.В. Булыгина, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачёв, М.К. Головановская, А.А. Залевская, В.И. Карасик, А.Е. Карлинский, В.В. Колесов, Н.А. Красавский, В.В. Красных, Н.В. Крючкова, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачёв, В.А. Маслова, Т.В. Матвеева, Ю.С. Степанов, А. Соломоник, И.А. Стернин, А.Д. Шмелёв);

анализе диссертаций последних лет по проблемам русско-инонационального билингвизма (М.Б. Амалбекова, У.М. Бахтикирсева, Е.И. Зейферт, И.В. Лисковец, Р.О. Туксайтова, А.Б. Туманова, И.С. Хугаев, Е.Н. Кремер, Л.П. Дианова и др.);

привлечения результатов из области смежных наук — культурологии, семиотики, теории языковых контактов (М.М. Ауэзов, Г.Д. Гачев, Ю.М. Лотман и др.).

Методическую стратегию исследования определяет накопленный опыт по изучению билингвизма в творчестве (М.А. Алексеев, Г.Г. Гамзатов, А.А. Гируцкий, Ч.Г. Гусейнов, Н.Л. Лейдерман, Ш. Мазанаев, Н.Г. Михайловская, В.Д. Оскоцкий, М.В. Орешкина, Т.Н. Толстая и др.).

В диссертации использованы следующие **методы**: метод аналогии как один из научных методов познания; метод лингвистического описания; логико-семантический метод; метод концептуального анализа; сопоставительный метод, базирующийся на синхронии и устанавливающий различное в языковых системах, в частности, близкородственных.

Научная новизна данной работы заключается в исследовании и анализе ментально-образных репрезентаций концептов в русскоязычных художественных текстах белорусских авторов, что позволяет решить ряд вопросов о потенциале воздействия художественного текста на читателя, о специфике индивидуально-авторской картины мира, воплощенной средствами языка близкородственного этноса, о своеобразии форм национального языкового сознания, о концептуальном пространстве художественного творчества билингвальных авторов в целом.

Теоретическая значимость работы заключается в комплексном лингвокультурологическом подходе к исследованию динамики культурно значимых концептов белорусского и русского языков в аспекте белорусско-русского художественного билингвизма, а также в выявлении стратегий реконструкции концептов из художественного текста. Теоретические результаты выполненной диссертационной работы могут служить моделью сопоставительного лингвокультурологического анализа и других концептов национальных языков.

Практическая ценность материалов исследования заключается в возможности их использования при подготовке вузовских курсов по сопоставительному языкознанию, сопоставительной лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, социо-, психо-, этнолингвистике, межкультурной коммуникации, при изучении активных процессов в лексике русского языка, теории языковых контактов, билингвизма, теории и практике перевода. Содержание и выводы диссертационной работы и представленный в ней материал могут найти практическое применение в процессе формирования билингвальной личности в белорусском социуме.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Современной лингвокультурной ситуации на постсоветском пространстве (в том числе в Республике Беларусь) присущи такие характерные черты, как активное неравновесное двуязычие и «кризис идентичностей». Они обусловлены ранее культивируемыми тезисами о «двух родных языках» и идентичности «советский человек», которые не выдержали проверки временем.

2. Тесное взаимодействие и взаимовлияние культур и языков в полиэтническом обществе обусловило художественное творчество писателя-билингва как особый тип дискурса — бикультурный художественный дискурс, использующий все существующие в распоряжении двуязычного автора языковые ресурсы, формы и виды речевой деятельности для воссоздания образного мира, существующего в его воображении и осложненного субъективной составляющей, специфической у каждого из языков в отдельности.

В процессе творческой деятельности писателя возникает ментальная модель, которая на выходе (при восприятии) уже представлена тремя типами языковых личностей, строящих каждый свою ментальную модель данного текста — автора, читателя и исследователя, который ведет себя не как простой читатель. В этой связи можно говорить о языковой и художественной картинах мира.

3. Обращение к белорусским языковым элементам (белорусизмам) в русскоязычных текстах белорусских авторов обусловлено особенностями структуры художественного текста, эстетическими законами, потому они не могут быть отнесены к интерференции, характерной для коллективного (массового), но не индивидуального художественного билингвизма. Белорусизмы используются для создания адекватного художественного образа белорусской культуры на русском языке. С их помощью билингвальный автор передает все смыслы, присущие определенному предмету как свойственные ему «системные качества». Белорусизмы являются своего рода маркерами, указывающими на различия в национальных опытах, которые накоплены предшествующими поколениями белорусского и русского этносов.

4. Языковое сознание народа проявляется через концепты — универсальные феномены, составляющие картину мира и играющие роль посредника между культурой и человеком. В близких концептах культур двух

этносов национальная специфика выражается в том, что сопоставимые концепты не полностью совпадают по своему содержанию и объему, а это может быть очень существенно для межкультурной коммуникации. Проявление сходств свидетельствует о концептуальной близости категориальных представлений носителей близкородственных языков.

5. Русскоязычный текст, «вбирая» в себя элементы иного («чужого») мироощущения, свидетельствует о гибкости, восприимчивости русской языковой системы, высокой степени её кодируемости. Такой тип текстов доказывает возможность выражения художественных образов одной (белорусской) культуры на языке другой (русской) и потому относится к русскоязычной ветви национальной (белорусской) литературы и (шире) – к национальной (белорусской) культуре.

Объективность и достоверность результатов исследования определяются

- 1) применением комплексной методики изучения языкового материала;
- 2) обращением к достижениям классической теоретической лингвистики;
- 3) привлечением сведений из различных областей гуманитарных знаний.

Апробация исследования. Основные результаты исследования были представлены на международных научно-методических и научно-практических конференциях: «Русскоязычие и би (поли) лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты» (*Россия, Пятигорск, 2008*); «Современные проблемы взаимодействия языков и культур» (*Россия, Благовещенск, 2008*); «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы» (*Россия, Москва, 2008*); «Русскоязычие и би (поли) лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты» (*Россия, Пятигорск, 2009*); II-го международного конгресса «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии» (*Казахстан, Астана, 2009*); Круглого стола «Славянские и тюркские языки: грани взаимодействия» (*Казахстан, Астана, 2008*).

Результаты исследования были обсуждены на заседании кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов и опубликованы в 3-х научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, Основной части (3-х глав), Заключения, Списка литературы и составляет 162 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, её актуальность, формулируются цель, задачи исследования и рабочая гипотеза, определяются объект, предмет и методы диссертационного труда, раскрываются научная

новизна, теоретическая и практическая значимость работы, излагаются положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Художественный (индивидуальный) билингвизм — продуктивное межязыковое взаимодействие» посвящена анализу общих вопросов теории двуязычия; рассматриваются особенности белорусско-русского художественного билингвизма в условиях современной лингвокультурной ситуации в Республике Беларусь.

Проблемы художественного билингвизма, основанного на тесном взаимодействии русского с другими языками, всегда интересовали языковедов. Различные аспекты теории языковых контактов и билингвизма (общелингвистические, социалингвистические, психологические, педагогические проблемы взаимодействия языков и двуязычия-многоязычия) изучали В.А. Аврорин, Х.З. Багираков, П.А. Бороздина, Е.М. Верещагин, Л.С. Выготский, Ю.Д. Дешериев, Ю.А. Жлуктенко, Н.В. Имедалде, Ю.Н. Караулов, Е.Ю. Литвиненко, А.П. Майоров, Н.Б. Мечковская, М.М. Михайлов, С.В. Семчинский, Э.Д. Сулейменова, А.Е. Супрун, К.Х. Ханазаров, Э. Хауген, Г.А. Цыхун, Г. Шухардт, Л.В. Щерба и другие ученые.

Особую актуальность эти проблемы приобрели в последние два десятилетия. В лингвистическом сообществе постсоветского пространства внимание многих языковедов (Б.А. Ахатова, Г.-Р. Гусейнов, И.В. Диманте, Д.Н. Дубинина, Г.А. Дырхеева, М.А. Егиазарян, Б.М. Есаджанян, Р. Комахидзе, И.В. Лисковец, Г.В. Маркосян, Т.П. Млечко, А.Л. Мугумова, Е.Ю. Протасова, И.М. Румянцева, А.И. Фатхутдинова, Н.К. Хан, Э.В. Хилханова, Л.В. Широбокова и др.) сосредоточено на проблемах коллективного (массового) билингвизма (триязычия и полилингвизма).

Появились работы, критикующие теорию языковых контактов и билингвизма, социалингвистику советского периода, в частности, о несостоятельности тезиса о «двух родных языках» (В.Г. Костомаров, Э.Д. Сулейменова, А.М. Шахнарович и др.), «об окончательном решении этноязыковых проблем в СССР» (А.Д. Дуличенко). Известные ученые подвергают критике неправомочность социально-функционального анализа двуязычия, часто осуществлявшегося без учета столь значимого фактора, как *языковое сознание и национальное самосознание* (В.Ю. Михальченко). Очевидно, что возрождение национальных языков, получивших статус государственных, обусловили активизацию вопросов, связанных с функционированием языков и билингвизмом на постсоветском пространстве.

Коллективный (массовый) билингвизм, по мнению специалистов (У.М. Бахтикиреева, Т.Г. Боргоякова, Г.-Р. Гусейнов, З.К. Дербишева, Л.П. Дианова, Г.А. Дырхеева, М.А. Егиазарян, Е.Н. Кремер, И.В. Лисковец, А.Л. Мугумова, Э.Д. Сулейменова и др.), на постсоветской территории носит неравновесный характер. Ему присущи диглосно-билингвальные сочетания в пользу русского языка. Некоторые лингвисты усматривают в этом определенную угрозу для развития этнических языков.

Другое дело, когда мы обращаемся к билингвизму индивидуальному, художественному. Выбор русского языка в качестве языка творчества обусловлен. В условиях функционирования государственного языка (русского), обеспечивавшего общность многонационального советского социума, возникла необходимость рассказать о своем народе, его культуре, художественном (эстетическом) восприятии окружающей действительности, выработанных предшествующими поколениями. Художественный билингвизм — явление, присущее всем известным в истории эпохам. В таком виде творчества речь не идет о вопросах интерференции, смешении и уподоблении двух языковых систем и культур в творческой деятельности билингвальной личности. Тут важным становится создание художественных образов национальной культуры средствами иного языка.

Гибкость русского языка, его высокая кодируемость позволили в рамках многонационального, многоконфессионального социума постичь художественный мир разных народов, «ранее не знавших даже о существовании друг друга» (Ч. Айтматов).

Ставшая объектом многих исследований *языковая личность* в различных взаимосвязях и аспектах предоставила возможности для осмысления и описания *билингвальной личности*, языковая и этническая идентичность которой не всегда определяется однозначно. Однако, согласно мнениям исследователей, этнос и этничность — изучаемая и познаваемая реалья. *Этническую принадлежность* индивида можно распознать и осмыслить как на уровне обыденного сознания, так и на уровне научного или художественного познания (Л.П. Дианова, М.Б. Ешич, Е.Н. Кремер). Под *этнической идентичностью* подразумевается не только психологическое чувство принадлежности к тому или иному этносу и отождествление себя с ним, но и уровень национального самосознания, способствующий развитию и укреплению этноса.

Общность языка не является свидетельством общности культур не только в силу неодинаковости географических, политических и экономических детерминант культуры, но в равной степени — в силу отсутствия общности сознаний. В этой связи *русскоязычные художественные тексты* как яркий пример межкультурной коммуникации, достойный самого серьезного изучения, находят свое осмысление и описание в русском языкознании, а также перспективны для сопоставительного анализа. Выступая в качестве *канала передачи информации*, они обеспечивают коммуникацию на межкультурном уровне.

Художественное творчество писателя-билингва, протекающее в специфических условиях взаимодействия и взаимовлияния культур и языков в полиэтничном обществе, с нашей точки зрения, следует рассматривать как особый тип дискурса — *художественный дискурс*. В процессе творческой деятельности по созданию художественных образов культуры своего этноса на ином языке билингвальный автор использует все существующие в его

распоряжении языковые ресурсы и виды речевой деятельности для воссоздания образного мира, национальной ментальности своего этноса.

Республика Беларусь является многонациональным государством. На протяжении многих столетий здесь наблюдается пересечение нескольких культур, наличие носителей разных языков и представителей различных религий. При этом межэтнического противостояния в Беларуси нет, а интерес к языковым проблемам (в сравнении, например, с Украиной) всегда был невысоким. Белорусский и русский языки в республике имеют статус государственных языков. Однако, как утверждают современные белорусские языковеды (Т.Н. Волянец, Д.Н. Дубинина И.В. Лисковец), отношения равновесия между близкородственными языками в процессе исторического развития Беларуси были нарушены, в результате чего русский язык в белорусском обществе постепенно занял доминирующее положение во всех сферах применения языка. В настоящее время реально русский язык на территории республики используется активнее, чем белорусский.

Проблема осложняется тем, что взаимодействие белорусской и русской культур и языков имеет *специфические черты* в силу общности исторических судеб белорусского и русского народов, генетического родства и близости двух языковых систем, которые, вступая друг с другом в контакт, порождают *интерференцию*, являющуюся важной проблемой культуры речи.

Исследование русскоязычной литературы Беларуси (оригинальной и переводной) показало, что наряду с традиционной проблематикой теории художественного творчества и перевода существует круг вопросов, связанных со спецификой двуязычия в художественном творчестве. Прежде всего это относится к лексике, которая прямо или косвенно отражает действительность, быстро реагирует на изменения в обществе, наиболее полно выражает национальную ментальность и национальный характер.

В главе 2 «Специфика лексического состава русскоязычных художественных текстов белорусов» рассматриваются особенности функционирования белорусской лексики в русскоязычных художественных текстах.

Русскоязычная художественная литература Беларуси является той сферой, где протекают активные процессы взаимодействия белорусского и русского языков, основным результатом которого является наличие в фонетических, грамматических, лексико-семантических и стилистических структурах языка художественных произведений целого ряда белорусских элементов.

Наиболее значимые результаты взаимодействия белорусского и русского языков в области художественного творчества наблюдаются на *лексическом уровне*. Однако употребление белорусских языковых элементов (белорусизмов) в русскоязычных текстах белорусских авторов обусловлено особенностями структуры художественного текста, эстетическими законами, а не является результатом интерференции, обусловленной взаимовлиянием двух языковых систем. Белорусские языковые элементы выполняют в тексте прежде всего

художественные (эстетические) функции и направлены на создание адекватного образа.

Так, в русских переводах стихотворений известного белорусского поэта начала XX века М. Богдановича имеет место такое явление, как прямой перенос в их текст белорусизмов: «*И спуются сумно в сердце, // Вьются отголоски // Щирой, задушевной песни// Белорусской вёски...*». Белорусизмам «сумно», «щирая», «вёска» соответствуют русскоязычные эквиваленты «грустно», «искренняя», «деревня». Однако они вполне органично вписываются в изображение белорусской деревни («вёски»), в которой можно «услышать» и родной язык ее жителей. Следует отметить, что все эти слова были в общеславянском языке. Доказательством тому является существование однокоренных русских слов «сум», «города и веси» и т.п. Однако белорусский язык, как более консервативный, чем русский, до сих пор хранит и использует эти формы.

В русских переводах стихотворений М. Богдановича присутствуют колоритные белорусские образы и символы. Например: «*Солнце власть нашлось из криниц студеных*». Слово «криница» активно функционирует во многих русскоязычных поэтических произведениях белорусских авторов, так как в белорусской традиции оно наполнено дополнительным смысловым и эмоциональным содержанием. *Криница* — сакральный объект, связанный с культом воды. Белорусы почитают криницы как святыню. В русском языке слову «криница» соответствуют эквиваленты «ключ», «родник», «источник», «ручей». Главное понятие, выраженное словом «криница», в языковом сознании белоруса получает дополнительные коннотации — *святость, чистота*. Это чувствует билингвальный автор и передает читателю.

При анализе русских переводов стихотворений М. Богдановича наблюдается также перенос однокоренных с белорусскими слов, которые в современном русском языке утратили то лексическое или стилистическое значение, в котором они употреблены в белорусских текстах-оригиналах: «*По вырубке, в бору густом, // Где рядом с пашнею — три хаты, // Идет мужик, — пестрят заплаты // На зипуне его худом...*». Существительное «мужик» в русском языке имеет сниженную стилистическую окраску и употребляется, в основном, в разговорной речи в значении «дюжий, крепкий, но грубоватый мужчина» (Даль). У М. Богдановича слово «мужик» имеет другое значение — «мужчина-простолодин, человек низшего сословия; крестьянин, пахарь, земледелец» (Даль). Именно в таком — уважительном и одновременно сострадательном по отношению к человеку-труженику значении употребляет данное слово поэт, ибо так оно используется в белорусском языке: бел. *мужык* = *сялянін* (рус. «крестьянин»). В устах же господствующего класса в начале XX века данная лексема имела пренебрежительный оттенок — *грубый, невоспитанный человек*. В сходном значении слово «мужик» функционирует и в современных разговорных формах как русского, так и белорусского языков.

В прозаическом переводе с белорусского языка на русский, в отличие от поэтического, белорусизмы широко используются в качестве средства речевой

характеристики персонажа. Примером может служить русскоязычный перевод текстов исторических повестей белорусского писателя В. Короткевича: *«Иди ополоснись в реке да возвращайся побыстрее бульбу жареную есть»; «хата Вечерки такая уютная внутри, побеленная, с ручниками»; «когда Пташинский ушёл, я вспомнил, что уже три дня не могу дописать батьке письмо».* Такие слова, как «бульба» (*картошка*), «хата» (*изба*), «батька» (*отец*), знакомы каждому белорусу. Многие белорусы — носители русского языка используют их в устной речи. Бульба — национальная еда белорусов, «второй хлеб». Отсюда прозвище белорусов — «бульбаши». В народном белорусском сознании «хата» — символ величайшей ценности: *«Свая хатка як родная матка» («Свой дом как родная мать»)*. В русскоязычном тексте слово «хата» приобретает дополнительный оттенок со значением *«белорусский крестьянский дом с его национальными особенностями»*, что делает данный образ более ёмким. Однако данные лексические единицы представляют собой факт интерференции только по отношению к персонажу, выступая в роли средства его речевой характеристики.

В русскоязычных художественных текстах В. Короткевича широко представлены исторические, этнографические и бытовые описания, которые создают особый облик белорусской земли, расширяют представления о людях, которые её населяют, их культуре. Например, один из героев угощает гостя национальными блюдами, известными белорусам ещё с давних времен: *«А в перерывах он предлагал то блины с мачанкой, то необычные «штоники» с мясом, так и плавают в масле, святые таких не едали».*

В повести «Дикая охота короля Стаха» автор прибегает к слову *дрыгант*. *Дрыганты* — редкая порода коней, которая была известна ещё предкам белорусов (иноходцы белой, реже вороной масти, в полосах и пятнах, как леопарды, с розовым крапом). А на одном из вечеров герои В. Короткевича танцуют национальные белорусские танцы — «Лебедик», «Ветрик», знаменитую «Левониху» (*«Однажды взял и посреди мессы «Левониху» врезал...»*).

Как показывает анализ, белорусизмы в творчестве русскоязычных писателей и поэтов выполняют следующие функции:

1) характеризующую, положенную в основу раскрытия доминантных качеств личности персонажа [Бахтикиреева, 1995], в том числе его речевой характеристики;

2) средства создания особого идейно-художественного мира белорусов;

4) средства передачи самобытной ментальности, культурно-этнографических традиций;

5) средства передачи психологии нации, в частности, эмоционального состояния героя.

С одной стороны, родство белорусского и русского языков позволяет достичь полного соответствия между лексическими единицами, используемыми в оригинале, и их аналогами. С другой стороны, в русском тексте отражаются системные особенности белорусского языка. Это связано с

тем, что автор-билингв репрезентует особый идейно-художественный мир своего этноса, раскрывает его средствами русского языка, используя при этом художественные образы белорусской культуры. Все это позволяет сохранить в русскоязычных текстах самобытность, передать при помощи русских языковых средств национальный белорусский колорит, адекватно описать языковые концепты белорусской культуры.

Очевидно, что с национальными особенностями анализируемой лексики связано явление варьирования объема значения соотносимых в русском и белорусском языках слов. В них содержатся особенности психологии нации, ее мировоззрение, культурно-этнографические традиции. Национально-культурный компонент, вводимый автором в текст, вовлекается им для выполнения художественных (эстетических) функций, поэтому в его произведении не наблюдается смешения, уподобления двух языковых систем, хотя и близкородственных, нет языкового бескультурья. Этот компонент необходим для создания адекватного образа, реальной действительности и воссоздан для определенной аудитории — русскоязычного читателя.

Показателем уникальности, национального своеобразия языкового сознания народа является **безэквивалентная лексика**. Белорусско-русские языковые связи позволили выявить большое количество слов-белорусизмов, которые для носителей русского языка являются, по сути, иноязычными, так как не имеют эквивалента в русском языковом сознании по причине отсутствия самого предмета, названного по-белорусски. То есть данный предмет или явление действительности характеризуют условия жизни только **одного** народа и отсутствуют у другого, их появление в художественных текстах связано с национальными особенностями быта, мифологией, историей белорусов.

Наши наблюдения над художественными текстами следующих авторов: М. Богдановича (1891-1917), В. Быкова (1924-2003), Я. Коласа (1882-1956), В. Короткевича (1930-1984) — позволили выделить слова, не имеющие прямых однословных эквивалентов в русском языке: *дажы́нкі* («окончание жатвы»), *дако́скі, дакосіны* («окончание косы»), *бульбя́нік* («картофельная ботва»), *кужа́ль* («очесанный лён»). Другую группу безэквивалентной белорусской лексики образуют слова, характеризующие один и тот же предмет или явление как в русском, так и в белорусском языках, однако звучат они в этих языках по-разному, что связано, прежде всего, с расхождением семантики, расчлененностью понятия, названного словом в одном и другом языке: *спічка* (рус.) — *запа́лка* (бел.); *летучая мышь* (рус.) — *кажан* (бел.); *водка* (рус.) — *гарэлка* (бел.); *свадьба* (рус.) — *вяселле* (бел.) и др. Таким образом, через безэквивалентные языковые единицы могут быть выявлены безэквивалентные концепты, так как безэквивалентная единица — всегда показатель наличия некоторой уникальности, национального своеобразия концепта в сознании народа

Динамизм лексики, ее широкие возможности использования в художественных текстах дают основание рассмотреть функционирование и трансформацию ее смыслов при переносе мифологических образов в художественные тексты.

Многие ученые-белорусоведы считают, что белорусский менталитет на протяжении многих столетий (и на рубеже тысячелетий) в некоторых чертах остается дохристианским, языческим. Однако время, история не разрушили языческих представлений белорусского народа, а трансформировали их в новое качество, приспособили к новой реальности. Мир белорусов, как и других славян, еще с язычества наполнен различными существами (реальными и мифическими). Но белорусы воспринимают их как «соседей», примиряются с ними, не ставят целью их изгнание или уничтожение (*домовой, леший, хлевник, амбарник* и др.). У белорусов есть пословица: *«Не будь горкі і не будь салодкі: горкага праплююць, а салодкага праглынуць»* («Не будь горьким и не будь сладким: горького выплюнут, а сладкого проглотят»). Иными словами, уважай других, но и себя не забывай — не делай зла, но и не будь чрезмерно добрым. Об установке национального характера белорусов на доброту, милосердие свидетельствуют и другие пословицы, поговорки: *«Любі другога, як сябе самога»* («Люби другого, как самого себя»), *«Чаго сабе не хочаш, таго і другому не зыч»* («Чего себе не хочешь, того и другому не желай») и др.

Такая особенность народного мировосприятия белорусов находит воплощение не только в фольклорных, но и в художественных произведениях белорусских авторов, написанных на русском языке или переведенных с белорусского языка на русский. В них, на наш взгляд, наблюдается материализация национальной белорусской идеи в довольно определенной системе типов, образов, в частности, мифологических. Примером может служить образ *русалки*.

Русалка является одним из наиболее сложных персонажей славянской мифологии. К ее образу в своем творчестве обращались как русские, так и белорусские писатели и поэты. Среди русских авторов можно назвать А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева. В их произведениях отражен народный взгляд на русалку как существо холодное, потустороннее, коварное, встреча с которым сулит человеку несчастье. Так, согласно русской мифологии, моряков, которые отправлялись в плавание, русалка завлекала своим чарующим пением, обволакивала длинными волосами и отправляла их корабли на дно морское (М.Ю. Лермонтов. «Русалка»). Их можно встретить также в лесу или в поле (И.С. Тургенев. «Бежин луг»). Принадлежат к «иному/чужому», потустороннему миру, они враждебны русскому человеку, так как в большинстве случаев вредят ему, а не помогают.

Лиризация мифических образов (в частности, образа русалки) в произведениях белорусских авторов ставит своей целью приблизить таинственный мир природы к человеку, сделать его близким и дорогим сердцу. Так, у М. Богдановича в стихотворении «Над озером» есть следующие строки: *«Блещут звезды над синею гладью. // Белый месяц в мерцающем свете // Тихо тянет, на озеро глядя, // Из воды серебристые сети. // В них русалки запутали косы — // Рвут и путают крепкие нити. // Ночь плывет над землей, сеет росы, // Тихо шепчет русалкам: "Усните"...»*.

Приведем еще один пример интерпретации образа русалки в русскоязычном тексте белорусской писательницы Констанции Буйло «Русалки»: *«Из подводного дворца поиграть на сонных волнах, в блеске месяца купаться вылетел русалок рой, мглой серебряной одетый, косы — будто золотые; очи синие, как небо, словно звездочки блестят. Все играют, на листочках водных лилий порасселись и, на месяц озираясь, что-то тихо говорят... Лишь одна из них в печали — личико рукой закрыла, стон стенаний и мучений рвется из ее груди: «Где ж, о, где ты, дорогой мой?! И не лучше ль быть со мною, на дне озера играть, чем среди людей несчастных жизнь посылую вести?...»*

Перед нами — тот же мифический персонаж, однако он не имеет непонятной, непредсказуемой, а потому угрожающей силы и способности подчинять своей стихийной воле человеческую жизнь, как у русских авторов. У белорусских авторов *русалка* — это легкий, светлый дух — дух родной земли, словно слитый с природой и человеком. В специфике этого и других мифических образов (например, домового, лешего), на наш взгляд, заключается особенность национального мировоззрения белорусов. В этом проявляется и национальная самобытность белорусской литературы, обусловленная неразрывностью связей белорусского этноса с окружающей действительностью.

Таким образом, сравнительный анализ текстов произведений русских и белорусских авторов, созданных на русском языке, свидетельствует о специфическом использовании лексики авторами, принадлежащими к разным этносам, о трансформации общеславянских мифологических и символических образов в художественной литературе. Это позволяет установить различия в авторском мировосприятии, связанные с особенностями национального мышления, а также проследить, как при помощи общих лексических средств по-разному описываются реалии и духовная культура белорусов и русских.

В Главе 3 **«Русско-белорусские культурные концепты и их реконструкция по материалам художественной литературы»** рассматриваются ментально-образные и языковые репрезентации некоторых важных в белорусской картине мира концептов, нашедших отражение в русскоязычных текстах билингвальных авторов.

Языковое сознание народа проявляется через *концепты* — универсальные феномены, выражающие особенности картины мира, играющие роль посредника между культурой и человеком. В концептах отражаются представления о мире, полученные на трёх уровнях: чувственном восприятии, формировании представлений, речемыслительных процессах.

Концепт как универсальная категория лингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии рассматривался многими учеными (Н.Ф. Алефиренко, С.А. Аскольдов, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А. Вежицкая, С.Г. Воркачѳ, М.К. Головановская, А.А. Залевская, В.И. Карасик, А.Е. Карлинский, В.В. Колесов, Н.А. Красавский, В.В. Красных, Н.В. Крючкова, Е.С. Кубрякова,

З.Д. Попова, Д.С. Лихачёв, В.А. Маслова, Т.В. Матвеева, А. Соломоник, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.Д. Шмелёв).

Под концептом, вслед за Е.С. Кубряковой, мы понимаем оперативную содержательную единицу концептуальной системы мира и всей картины мира, отраженной в психике человека. Сходным образом понимают концепт Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, В.А. Маслова, И.А. Стернин, В.Н. Телия и другие ученые.

Концепты играют важную роль в речевом поведении носителей языка, представляющих данную культуру. Анализ концептов, имея большое значение для формирования представлений об устройстве сознания и мышления человека, о способах познания мира, даёт достоверную информацию об универсальных и специфических составляющих картины мира определённого этноса.

Рассмотрение концепта, как считают ученые-лингвисты, следует начинать с этимологии, обращаться к праформе в языке и определять источник появления слова и способ его образования. Для выявления внутренней формы концепта следует обратиться к состоянию культуры на момент его (концепта) зарождения, т.е. учесть народные обряды, поверья, обычаи, мировоззрения, частицей которых является данное ментальное образование. Чем больше связей и ассоциаций концепта человек осознает, тем шире его фоновые знания, тем богаче его личный опыт и тем больше его способность к познанию новых художественных концептов.

Национальная специфика концептов проявляется в наличии определенных различий в одноименных концептах в разных национальных культурах, а также в наличии эндемичных, уникальных концептов, характерных только для одной из культур. При этом полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре — явление весьма редкое. В близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты не полностью совпадают по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть весьма существенными для межкультурной коммуникации.

Краеугольное понятие белорусской народной культуры — малая родина, образ которой присутствует и в современной белорусской литературе, и в литературе XIX-XX веков. Мир белоруса можно охватить взглядом: это — поле, озеро, лес. Не огромная необъятная родина, а «родны кут» («родной угол») — край, уголок, который никогда не надоедает его обитателям. Белорус — патриот своей, исконно принадлежащей ему земли. Об этом свидетельствуют его песни и сказки, его пословицы и поговорки: «У сваім краю, як у раю» («В своем краю как в раю»), «Кожнаму свой куток мілы» («Каждому свой уголок мил»), «Усякаму міла свая старана» («Всякому мила своя сторона»).

На глубинном уровне для белоруса наиболее типичен синтез язычества с обрядовым христианством. Белорусы — народ многоконфессиональный: среди них есть и католики, и православные, и униаты, и протестанты.

Многоконфессиональность и миролюбие белорусов в синтезе порождают такую бесспорно наличествующую в их менталитете черту, как толерантность, терпимость к иноверцам, иноземцам. Однако толерантность белорусов проявляется не только в отношении к «чужим», но и в отношении к инакомыслящим в принципе. Так, в белорусских городах и селах православная церковь и католический костел располагаются на одной площади (например, в г. Поставы).

На формирование белорусского менталитета оказала влияние и природно-географическая среда (красота родной природы и расположение белорусских земель в равнинной зоне с умеренно-континентальным климатом). Не случайно белорусы сами себя называют «ландшафтной» нацией.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют воззрения белорусов на природу. Человек и природа в понимании как белоруса, так и русского нуждаются друг в друге, хотя воспринимается эта связь ими по-разному. Для русского писателя природа и мать (*мать-природа, земля-матушка*), и помощник, и враг. Сильная связь с природой была объяснена еще Н. Бердяевым, который считал, что именно природа сформировала русского человека: пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли — та же безграничность, бесформенность, связанная с необъятностью русской земли. Для белоруса же сильнее мистическое, языческое восприятие природы. Поэтому по-разному репрезентованы одни и те же природные объекты в русской и белорусской национальных культурах.

В исследуемых нами художественных русскоязычных текстах авторов-белорусов содержится большое количество авторских сравнений, основанных на уподоблении человеческих качеств природным. Например, в произведениях В. Короткевича: *«Маленькая ростом, худенькая и тоненькая, как веточка... она была слабой, словно стебелек полыни на взмежке»; «Но самым убедительным был её голос: медленный, ленивый, безразличный и одновременно трепетный и прерывистый, словно голос лесной птицы»; «И все они при лунном свете были на одно лицо: словно сама земля одновременно породила их»*. Данные сравнения раскрывают тесную связь белоруса с миром природы и помогают проникнуть читателю, прежде всего, носителю русской языковой культуры, в глубины национального белорусского характера.

Привязанность каждого белоруса к своему кусочку земли, кровная связь с ним также отражены в художественных текстах белорусских авторов, написанных на русском языке, при помощи различных образных средств. Например, у В. Короткевича: *«...Когда где захочешь, там и остановишься на берегу реки или на опушке леса, если придет желание полежать в сочном клевере или в дурманящей — под осень — конопле»; «Кое-где из-под хвои и вереска выглядывали коричневые или уже почерневшие от старости шляпки симпатичных толстых боровиков»; «И над всем этим синее-синее небо, которым хотелось дышать»; «Приятно было пройтись, когда обвеивает лицо майская ночь. Такая мягкая, словно дорогие руки гладят»; «И каждый*

листок на деревьях млеет и, казалось, даже потягивался от наслаждения под теплой не по-осеннему росяницей».

С древних времен человек почтительно относился к силам природы, от которых в значительной степени зависело его благополучие. В мифологическом сознании природные стихии персонифицировались, воспринимались как живые. Им поклонялись и приносили жертвы, к ним обращались с просьбами и ждали от них помощи. Отношения мира природы и мира человека складывались как равноправные и существовали в форме постоянного диалога и обмена, которые обеспечивались выработанными в веках обрядовыми практиками, системами норм поведения и запретов. Архаичные представления о взаимоотношении сил природы и человека нашли отражение в мифологии, в фольклорных произведениях разных жанров, а также в художественных произведениях.

Нами был избран именно концепт «**ветер**» в творчестве русских и белорусских писателей и поэтов XIX – XX веков, поскольку сходство и различия в восприятии данного концепта представителями двух близкородственных культур позволяют раскрыть как универсальное, так и собственно национальное в образной системе созданных ими русскоязычных художественных текстов. Это обусловлено тем, что каждый писатель и поэт отражает в своих произведениях не только свой собственный образ природы, собственное ее виденье, но и коллективные представления всего народа, обусловленные мифологией и фольклором данного этноса.

Как русские, так и белорусские авторы изображали ветер как демоническую стихию, что связано с мифическими представлениями о ветре древних славян. На фоне ветра разворачиваются события произведений русских писателей и поэтов (А.П. Чехова, А. Блока, С. Есенина), где ветер предстает как враждебная, недобрая по отношению к человеку стихия, порой карающая его за грехи.

Подобную коннотацию приобретает символический образ ветра в произведениях белорусского писателя В. Быкова. Его военная проза наполнена глубоким философским содержанием, гуманизмом. Писатель раскрывает античеловеческую сущность войны. Особый вес в его реалистических произведениях приобретает художественная символика, и приоритетное значение отдано именно образу ветра. Характеризуя ветер как стихию демоническую, злую, смертоносную, Быков наделяет образ такими эпитетами, как «**бешеный**» («*одержимый бесом, сумасшедший, потерявший рассудок и превратившийся в злобного зверя*», Даль), «**осатанелый**» (от сатана), «**проклятый**» («*ненавиденный, окаянный*», Даль), тем самым подчеркивая связь ветра с нечистой силой, дьяволом. Ярко характеризуют поведение ветра, раскрывают его враждебную сущность и метафоры, такие как *бушевал, люто* (от *лютый* — «*свирепый, зверский, кровожадный, неукротимый, жестокий, злой*», Даль); *неумная ярость* («*сильный гнев, озлобление, лютость, зверство, неистовство, порыв бессмысленной, стихийной силы*», Даль), *ошалело, недобро, безумствовал* и др.

Ветер в творчестве как русских, так и белорусских авторов — это и символ человеческой души, что отражает религиозно-мифологическое представление русских и белорусов о душе как персонафицированном абстрактном понятии. Отсюда — поэтический символ: *ветер — душа*. Подобное значение концепт «ветер» имеет в произведениях А. Блока, С. Есенина, М. Богдановича.

В творчестве М. Богдановича концепт «ветер» приобретает отрицательную коннотацию в текстах, где речь идет о горькой доле угнетенного белорусского народа: *«Мелкий дождь сечет и льется, // Ветер злобно в хату рвется, // В поле стоном отдается, // Стучнет в двери и в окно, // Сердце бедное забьется...»*.

Однако в романах В. Короткевича, в которых природа — лирический фон, ветер олицетворяет добрые, чистые человеческие чувства и помогает глубже постичь характеры главных героев, погрузиться в идейное содержание произведения: *«Весь вечер Майка была изменчива, как апрельский влажный ветер»*; *«Сладкий, могучий ветер летел из-за Днепра, приносил с собой запах стогов, аромат завядшей листвы, запах сырости и болотных цветов со стариц»*; *«Он чувствовал её тепло и тепло сена, а ветер теперь лишь изредка гладил его лицо»*; *«Он с наслаждением вдохнул горьковатый мартовский ветер»*.

В стихотворениях М. Богдановича появляется образ Подвоя — персонажа из белорусской мифологии, злого духа, который крутится в вихре, приносит разрушение и болезни: *«Загуляла развеселая метель, // И проснулся, в поле кинулся Подвей. // Видно, в голову ударил свежий хмель, — // Не сдержал он буйной радости своей...»*. Однако у поэта Подвей не обладает способностью подчинять своей стихийной воле человеческую жизнь, не обладает вредоносными (например, болезнетворными) качествами. Это прежде всего удалой, шаловливый ветер. Такое восприятие нечистой силы автором связано, на наш взгляд, с высокой степенью толерантности белорусов.

В романе В. Короткевича «Колосья под серпом твоим» появляется образ смерча — предвестника грядущих кровавых революционных событий — символа приближающейся беды.

Таким образом, функционируя в различных контекстах, концепт «ветер» выходит далеко за рамки своего словарного значения и приобретает множество ассоциативных смыслов, истоки которых находятся в фольклоре и мифах древних славян, а также связаны с различными лингвокультурными ситуациями.

Особая роль в славянской культуре и литературе принадлежит концепту **дерева**. Как утверждает исследователь М. Малоха, «мотив дерева представлен едва ли не во всех устных жанрах, ибо сам является универсальным средством для символического кодирования любой ситуации»².

² Малоха М. Фразеологизмы с концептом «дерево» в зеркале народной культуры (на материале восточнославянских и польского языков). — Мн.: Тэхналогія, 1998. — С. 9

Для белорусов характерно чувство неразрывной, кровной связи со своим краем, ландшафтом, предметами и явлениями окружающей действительности. Деревья, лес занимают особое место в их национальном сознании, являясь одним из приоритетных концептов в национальной модели мира. Это можно понять при обращении к мифологическим представлениям о дереве, сохранившимся в художественном восприятии белорусских авторов, к анализу семантического наполнения этого образа в процессе творческого осмысления. В работе реконструируется концепт «дерево» в романе известного белорусского писателя В. Короткевича «Колосья под серпом твоим» на русском языке.

Для белорусов дуб всегда был воплощением божественного дерева. О том, что дубу поклонялись в языческие времена, также упоминается в романе В. Короткевича: *«...Перед глазами подростков, словно совсем неизвестный, вставал их родной край. Бесконечные болота, туци, заброшенные древние городки на болотных островах, где и до сих пор висят на ветвях трехсотлетних дубов колокола. Мрачный, лесной, тоскливый, но самый родной мир, где они родились...»*.

Образ дуба часто выступает в художественных текстах как отражение внутренних качеств героя, является воплощением идеи смерти и вечного обновления жизни, что связано с древними представлениями о дереве как живом существе. Например, в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» имеется два описания дуба, которые соотносятся с жизненными исканиями главного героя — Андрея Болконского. Подобную коннотацию находим и у В. Короткевича. Описанием дуба сопровождается эпизод смерти одного из главных героев романа — Данилы Когута, труженика, настоящего хозяина. С одной стороны, дуб в данном описании соотносится с образом героя («дуб-богатырь», кора «как мужицкие руки»). С другой стороны, дуб выступает своеобразным «мостом» между миром живых и мертвых (в ветвях «качался» небесный купол). Не случайно старик идет «под заветный дуб» в конце усадьбы умирать. Однако уход из «этого» мира героя показывается Короткевичем без фатального трагизма, что соотносится с народным восприятием смерти — как чего-то неизбежного, естественного, как перехода из одного состояния в другое.

В романах В. Короткевича наряду с образом дуба широко представлен также и образ дикой, полевой груши. Причем груша часто сравнивается с дубом: *«Поначалу по обе стороны дороги тянулись поля с раскиданными по ним дикими грушами, похожими на дубы»; «изредка посреди зеленого ковра попадались огромные, как дубы, дикие груши да у кринички в овраге серебрились ветлы»*. Роман Короткевича «Колосья под серпом твоим» начинается с символического описания цветущей дикой груши и заканчивается описанием ее гибели на фоне трагических в судьбах героев событий. Как живое, цветущее дерево воплощает мифологические представления о жизни во всей её полноте, так мертвое является символом смерти, гибели, зла. Тем более, если речь идет о плодовом дереве.

Очевидно, что в белорусской национальной картине мира существует **одновременно два образа священного дерева — дуб и груша**. Следует отметить, что в русском народном творчестве более широко представлен образ яблони, нежели груши. На Беларуси же дикие груши встречаются в лесах повсеместно и воспринимаются белорусами как неотъемлемая часть лесного ландшафта. Внушительные размеры диких груш, их обильное плодоношение позволили белорусам наделить грушу свойствами священного дерева и почитать ее наравне с дубом. Однако в отличие от дуба, являющегося символом мужского начала, груша сопоставляется с женщиной, что позволяет считать ее и символом жизни, символом продолжения рода.

О том, что мир природный и мир человеческий в белорусском сознании имеют единый исток бытия, свидетельствует *идея умирания-воскрешения зерна* — одна из центральных в поэтической концепции белорусов. Белорусы — этнос, который одним из последних среди славян продолжал оставаться крестьянским. Земледелие являлось основой жизнедеятельности белорусского народа на протяжении многих веков. С давних пор *зерно, колос, рожь* (бел. «жыта»), *хлеб* стали для белоруса самыми близкими словами и понятиями, так как всегда между зерном и народом-сеятелем существовали глубоко родственные отношения. Символические образы *зерна, колоса, ржи, хлеба* встречаются в русскоязычных художественных текстах как русских, так и белорусских авторов. Общим является философское осмысление данных образов, отражающее универсальный закон существования природы и человека, который заключается в извечном повторении, симбиозе; бережное отношение к хлебу, уважение к труду земледельца.

Однако русскоязычные художественные тексты белорусских авторов-билингвов, содержащие данные образы-символы, отражают и сугубо национальное видение мира белорусами. Так, у М. Богдановича они становятся символом *национально-духовного возрождения* белорусской земли. О том, что хлеб является настоящей святыней для белоруса, *Божьим даром*, свидетельствуют произведения В. Короткевича. «*Всюду трава, только хлеб чистый, божий*», — восклицает одна из героинь его романа «Дикая охота короля Стаха». О бережном отношении к хлебу пишет в военной прозе В. Быков: «... *И Костя подумал, что нельзя было мять несжатую рожь. В деревне всегда за это ругали*».

В сознании же русского человека (поэта, писателя) зерно, хлеб прежде всего являются символом *богатства*. Например, у А.В. Кольцова в стихотворении «Песня пахаря» есть такие строки: «...*С тихой молитвой // Я вспашу, посею:// Уроди мне, боже, // Хлеб — мое богатство!*» Для русских поэтов-эмигрантов колосья, ржаное поле, хлеб — это *символ родины*. И. Бунин пишет: «... *И забуду я все — вспомню только вот эти // Полевые пути меж колосьев и трав — // И от сладостных слез не успею ответить, // К милосердным коленям припав*».

Итак, образы *зерна, колоса, хлеба, жита* являются эмоционально-смысловым ядром художественного сознания, символизируя единство

человека, природы, родной земли. Они получили многоаспектную индивидуально-авторскую трактовку, глубокое духовно-человеческое измерение и наполнение в художественных произведениях белорусских авторов.

Сравнительный анализ ментально-образных и языковых репрезентаций концептов в русскоязычных художественных текстах белорусских билингвальных авторов расширяет число ранее исследованных концептов и открывает нам пути для рассмотрения других культурно значимых концептов как русской, так и белорусской национальных культур с целью их сопоставительного изучения и формирования адекватных фоновых знаний (в частности, у белорусских учащихся-билингвов, а также у иностранных учащихся).

Приведенные примеры достаточно ярко демонстрируют способность билингвальной личности автора к эффективной герменевтической деятельности — репрезентировать русским языком реалии своей культуры. Это подтверждает мысль У.М. Бахтикирсовой о том, что благодаря особой речемыслительной деятельности творческой билингвальной личности происходит вычленение смыслов, присущих культуре своего этноса, достраивание этих смыслов до необходимой полноты в русской языковой системе с целью их адекватной передачи носителю русского языка. Этим определяется свойство билингвальной личности отражать действительность в ее национально-специфическом варианте, инварианте и в ее глобальном проявлении.

В заключении формулируются основные выводы и результаты исследования.

Билингвизм в Беларуси имеет ряд особенностей. На сегодняшний день в республике проводится официальная политика двуязычия. Оба языка, белорусский и русский, являются официальными государственными языками. Однако взаимодействие белорусской и русской культур и языков имеет специфические черты, обусловленные общностью исторических судеб обоих народов, религий, традиций, генетическим родством и близостью двух языковых систем.

Белорусско-русский (русско-белорусский) билингвизм как лингвистический объект нуждается в дальнейших исследованиях. Особенности близкородственных языков и культур сложнее вычленяются, но в них, по всей видимости, заключается феномен неслияния культур в течение длительного взаимодействия двух восточнославянских этносов.

Результаты исследования русскоязычных художественных текстов билингвальных белорусских авторов показывают, что в них отсутствует смешение или уподобление двух языковых систем (русской и белорусской), несмотря на их близкородственность. Автор существует в двух культурно-лингвистических контекстах. Невозможность создания национального образа одной культуры на языке другой (пусть и близкородственной) без обращения к заимствованиям из языка описываемой культуры рождает художественный

текст с новыми качествами, которые носитель языка может оценивать как отклонение от нормы, тогда как такой текст является особым видом психической ментальной деятельности творческой билингвальной личности.

Языковое сознание народа проявляется через концепты. Исследование механизма представления концептов у билингвальных авторов может решить целый ряд вопросов о потенциале воздействия художественного текста, о специфике индивидуально-авторской картины мира, о своеобразии форм языкового сознания, о концептуальном пространстве художественного творчества в целом.

Осмысление и описание совпадений (универсального) и различий (частного) в двух славянских языках и культурах как объектах лингвистики представляются нам актуальными и перспективными для дальнейших исследований.

Основные результаты исследования отражены в 9 работах автора:

1. *Гринберг С.А.* «Трансформация общеславянских мифологических образов в белорусской литературе как отражение национальной ментальности (на примере образа русалки)» //Материалы Международной научно-методической конференции «Русскоязычие и би (поли) лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты»: Пятигорск, ПГЛУ, 14-17 мая 2008 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2008. – С.50 –51.

2. *Гринберг С.А.* «К вопросу о кросс-культурном воспитании и образовании» // Материалы Международной научно-практической конференции «Современные проблемы взаимодействия языков и культур»: Благовещенск, 25–26 апреля 2008г. – Благовещенск: Изд-во Амурского государственного университета, 2008. – Ч.1. – С. 109–113.

3. *Гринберг С.А.* «Художественные образы белорусской культуры в русских текстах билингвального автора (на примере исторических повестей В. Короткевича)» // I Международная научно-методическая конференция «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы»: Сб. статей. Москва, РУДН, 1-4 ноября 2008 г. – М.: РУДН, 2008. – С.740 -744.

4. *Гринберг С.А.* «Современные процессы в славянских языковых культурах (о безэквивалентной лексике белорусского языка относительно русского языка)» // «Славянские и тюркские языки: грани взаимодействия»: Сборник научных трудов по материалам Круглого стола (23 мая 2008 г.). – Астана, 2008. – С.76 – 79.

5. *Гринберг С.А.* «Национально обусловленная специфика языковой манифестации в художественном тексте на примере концепта «дерево» в белорусской и русской национальных картинах мира» // Материалы II Международной научно-методической конференции «Русскоязычие и би (поли) лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-

концептуальные аспекты»: Пятигорск, 23-25 апреля 2009г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009г. – С.49–51.

6. *Гринберг С.А.* «Концепт «ветер» в языковой картине мира русских и белорусов // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии»: Материалы II –го международного конгресса, 1–3 октября 2009 г. – Астана: ИД «Сарыарка», 2009. – С. 565 – 571.

7. *Гринберг С.А.* «Актуальные проблемы русско-белорусского художественного билингвизма» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – № 2, 2009. – Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2009. – С. 219 – 223.

8. *Гринберг С.А.* «Русско-белорусский билингвизм: проблемы и перспективы» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. - № 11, 2010. – Челябинск: изд-во ЧГПУ, 2010. – С. 223 – 229.

9. *Гринберг С.А.* «Символические образы колоса, ржи, зерна и хлеба как воплощение поэтической концепции белорусов» // Вестник Российского университета дружбы народов. - № 4, 2010. – Москва: изд-во РУДН. – С. 52–56.

Гринберг Светлана Александровна (Беларусь)
«Белорусско-русский художественный билингвизм в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах»

Диссертация посвящена анализу национальной концептосферы на материале концептуального пространства художественного текста, обусловленного контактом двух близкородственных языковых систем (белорусско-русский художественный билингвизм), с позиций сравнительной лингвокультурологии. Исследование ментально-образных репрезентаций концептов в русских художественных текстах белорусских и русских авторов, что позволяет решить целый ряд вопросов о потенциале воздействия художественного текста на читателя, о специфике индивидуально-авторской картины мира, воплощенной средствами языка близкородственного этноса, о своеобразии форм национального языкового сознания, о концептуальном пространстве художественного творчества в целом.

Практическая значимость материалов исследования заключается в возможности их использования при подготовке вузовских курсов по сопоставительному языкознанию, сопоставительной лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, социо-, психо-, этнолингвистике, межкультурной коммуникации, при изучении активных процессов в лексике русского языка, теории языковых контактов, билингвизма, теории и практике перевода.

Svetlana A. Grinberg (Belarus)
«The Belarusian-Russian creative bilingualism in cognitive and discursive and cultural linguistics aspects»

The thesis is devoted to analysis of the national conceptual sphere on the material of the conceptual space of works of fiction, caused by the contact of two closely related language systems (Belarusian-Russian creative bilingualism) from the standpoint of comparative cultural linguistics. Researching of the mental-figurative representations of concepts in the Russian works of fiction of bilingual authors allows to solve a number of questions connected with the impact of the works of fiction on the reader; the specifics of the individual author's vision, realized by means of the closely related language; the uniqueness of the forms of national consciousness; the conceptual space of works of fiction in general.

The practical significance of the thesis consists in the possibility of their use in the preparation of the university courses on comparative linguistics, comparative cultural linguistics, cognitive linguistics, socio-, psycho-linguistics, intercultural communication, and also in a study of active processes in the vocabulary of the Russian language, theory of language contacts bilingualism, theory and practice of translation.

Подписано в печать: 21.10.2011

Заказ № 6089 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru

